

«ПОВЕСТВОВАНИЕ О ДЕЛАХ АРМЯНСКИХ» (VII в.)
и «ТИПИК ГРИГОРИЯ ПАКУРИАНА» (XI в.):
ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК АРМЯНО-ХАЛКИДОНИТСКИХ ПАМЯТНИКОВ

В. А. АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН

Языки соседних стран входили в армянский мир как средство политического и дипломатического общения. Догматические разногласия сделали греческий язык, как впоследствии и грузинский, еще и маркером конфессиональной принадлежности. Но эти языки, входя в употребление армян-халкидонитов, не вытесняли армянский и служили культурной, а не этнической трансформации. Источниковедческий анализ двух армяно-халкидонитских источников показывает, что армянский лингвистический субстрат проявляется и в произведении Анонима, жившего в VII в. в Армении, и в Типике Григория Пакуриана для его монастыря на Балканах, построенного в XI в. Эти наблюдения могут заметно поколебать априорно принятое утверждение о денационализации представителей армяно-халкидонитской общины, в особенности на территории Византийской империи за пределами Армении.

Армяно-халкидонитская община, как показывает само ее наименование, принятое учеными в начале XX в., не могла появиться ранее Халкидонского Собора (451 г.), а учитывая почти столетнюю лакуну между Халкидоном и осознанием его решений Церковью и обществом Армении — еще позднее. В течение VI–VII вв. Соборы в Двине разрабатывали христологическую доктрину нехалкидонитской Армянской церкви, завершенную и оформленную Маназкертским Собором (726 г.).

Армяне-халкидониты довольно поздно выделились из народа, который прошел пик этногенеза в конце первого тысячелетия до новой эры и единство этнического самосознания которого обеспечивалось общностью происхождения, территории, исторической памяти, быта, культуры, верований и, прежде всего, общим языком. Языковая консолидация Армении завершилась задолго до принятия христианства, а к V в. н. э. языковые и этнические границы страны совпали с государственными.

Армения не обладала языковым плюрализмом больших империй (Византия, Иран, Халифат и т. п.), однако военные, политические, торговые, культурные и конфессиональные взаимодействия с соседними народами вводили в общение их языки. Персидский, арабский и сирийский оставили следы в армянской

лексике, но самое значительное место в спектре неармянских языков Армении занимали греческий и грузинский¹.

Греческий был широко распространен в дописьменной Армении, и его позиции усилились с приходом христианских проповедников из греческих провинций Восточно-Римской империи. Христианизация Армении (в нач. IV в.), далеко не сразу вызвала необходимость изобретения собственной письменности. При Григории Просветителе и его преемниках знать и духовенство продолжают привычно получать греческое (или сирийское) образование. Расширение круга неофитов новой религии и запросы вновь образованной христианской церкви обусловили создание армянского алфавита.

Армянская литература развивается с начала V столетия, и это, по преимуществу, переводы с сирийского и греческого языков церковно-богословских сочинений. Армянская переводная литература в V–VII вв. включала в себя: переводы V в. и переводы грекофильской школы (с конца V в. до начала VIII в.). Первые должны были направить идейную и литургическую деятельность церкви и обеспечить религиозное образование. Во второй период преобладают теоретические сочинения догматического и философского характера. Деятельность первых армянских переводчиков отличается такой целеустремленностью, что ее можно назвать «сознательной программой трансплантации культуры»².

Первые переводчики в то же время являлись и основоположниками армянской оригинальной литературы, главным образом богословско-философской и историографической³. Греческий язык с эллинистических времен до грекофильской школы и позднее (Григорий Магистр (XI в.) и др.) — это не только орудие политических, дипломатических и торговых отношений, но прежде всего и более всего — инструмент усвоения и присвоения достижений иной высокоразвитой цивилизации, а точность перевода, в особенности богословских текстов, с точки зрения армянских вардапетов, — это подвиг во имя веры⁴.

В конце VI–VII вв. халкидонитство имело статус официальной религии, и православные армяне отождествляли себя со своей страной, с ее духовными ценностями и приоритетами, но в то же время считали Армению частью Ви-

¹ Мурадян П. М. К предистории литературного полиглоттизма в средневековой Армении // Кавказский культурный мир и Армения. Ереван, 2012. Вып. 2. С. 237–250.

² Finck F. N. Geschichte der armenischen Literatur // Geschichte der christlichen Literaturen des Orients. Leipzig, 1907. S. 75–130; Арутюнова-Фиданян В. А. «Повесть о делах армянских» (VII в.): Источник и время. М., 2004. С. 27–30 (далее: «Повесть»). Параграфы в тексте статьи приводятся по этому изданию.

³ Аревшатян С. С. Формирование философской науки в древней Армении (V–VI вв.). Ереван, 1973. С. 141–227; Terian A. The Hellenizing School: Its Time, Place and Scope of Activities Reconsidered // East of Byzantium: Syria and Armenia in the formative Period. DO Symposium / N. G. Garsoïan, Th. F. Mathews, R. W. Thomson, eds. Washington, 1982. P. 175–186; Thomson R. W. The Formation of the Armenian Literary Tradition // Ibid. P. 136–150; Мирумян К. Культурная самобытность в контексте национального бытия. Ереван, 1994. С. 58–60.

⁴ Армянская Церковь в V в. причислила первых переводчиков к лику святых и учредила «Праздник переводчиков», а гробница Месропа Маштоца в селе Ошакан является местом паломничества (Тер-Саркисянц А. Е. История и культура армянского народа. М., 2008. С. 206).

зантийской империи⁵. VII век был «византийским» веком армянской истории и одновременно пиком расцвета армянской православной общины и армяно-халкидонитской Церкви⁶. Армянская Церковь находится в общении с Константинополем, армянский патриарший престол в VII в. занимают три католикоса-халкидонита: Езр Паразнакертци (630–641), Нерсес III Строитель (641–661) и Саак III Дзорапореци (677–703). В армяно-византийских лимитрофах происходил процесс определенного отождествления армянского лингвистического субстрата с греко-византийским. Билингвизм армянских интеллектуалов-эллинофилов нашел широкое распространение в Армении, особенно в православной общине, появились такие произведения как «Повесть о делах армянских» (VII в.) и антимонофиситские инвективы, написанные на своеобразном арменизированном греческом языке⁷.

«Повесть о делах армянских» — памятник армянской средневековой литературы VII в., написанный (или дошедший до нас) на греческом языке. В восточно-христианской историографии немного найдется произведений, которые при небольшом объеме содержали бы такое количество информации. «Повесть» охватывает почти три столетия (IV–VII) и описывает ряд определяющих событий конфессиональной и политической истории Армении, Византии и сопредельных стран⁸. Оно написано лапидарно и конспективно, а это предполагает осведомленность современников автора в упоминаемых им и не раскрытых подробно сюжетах и требует от ученых комментария, граничащего с расшифровкой текста. Такой труд и предпринял Ж. Гаритт, разбивший текст на атомы (слова, словосочетания, фразы, имена, события и даты) и разъяснивший их, используя все доступные 50 лет назад источники и исследования. Тема была сочтена закрытой, и комментарий Ж. Гаритта вместе с текстом «Повествования», в сущности, стал восприниматься в науке как единый источник. Однако «расщепляющая» методика бельгийского ученого и поток примечаний, не выделяющий ни одного сюжета в особенности, а вернее выделяющий их все в равной степени, не только затруднили восприятие источника как целостного произведения, но и парадоксальным образом оставили за пределами его внимания ряд важных проблем, в частности имманентность «Повествования» современному миру (его реалиям и менталитету), а также сложный спектр общественно-политических и конфессиональных воззрений его анонимного автора.

Помимо нерешенных вопросов, вытекающих из содержания источника, существовали загадки, касающиеся языкового оформления «Повествования» и его роли в православной традиции. Первая загадка была, в сущности, создана исследователями, предполагавшими, что «Повесть» было создано на армянском языке в конце VII в., а позднее переведено на греческий неким «эллинизированным армянином», и не объяснившими, зачем армянину, даже

⁵ «Повесть о делах армянских». С. 134–136.

⁶ Арутюнова-Фиданян. К вопросу о существовании халкидонитской Церкви в Армении // Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология. М., 2010. Вып. 4 (22). С. 7–22.

⁷ «Повесть о делах армянских». С. 19–59.

⁸ La Narratio de rebus Armeniae / G. Garitte, éd., comment. Louvain, 1952. P. 8–9; «Повесть о делах армянских». С. 9–10.

эллинизированному, понадобилось переводить сочинение, адресованное армянскому читателю, на греческий язык через несколько веков после его создания, в особенности если учесть, что уже с IX в. православные армяне писали свои произведения в основном на родном языке. Исследование текста и выяснение лингвистической ситуации в Армении этого периода вообще и в армяно-халкидонитской общине в частности дали мне возможность предположить, что «Повествование» было изначально создано на греческом языке⁹.

Греческая литеризация звуков армянской речи в именах собственных проведена весьма тщательно, автор также вводит в греческий язык армянские грамматические формы, склоняя топонимы (Гардман, Коговит, Тайк) по нормам армянского языка. Следует отметить и умелое использование аналогов армянских предлогов в греческом тексте (греч. ἐκ + Gen. как соответствие армянского հ + Gen.)¹⁰.

Аноним порицает монофиситов, которые постановили «возглашать» «Распятие за нас» в [молитве] «Святой Боже» (§ 44), προσφωνεῖν передает армянский глагол լւորիլ («читать»), а также «призывать на помощь, умолять, просить, призывать, возглашать»¹¹. — См. § 69; § 143).

По «Повествованию», персидский шах Йездигерд «потребовал [установить] поклонение огню в стране армян» (ἐξητήθη ἡ πυρσολατρεία) (§ 30). Глагол ζητέω (исследовать, рассматривать, спрашивать, стремиться, стараться, желать) не совсем адекватен армянскому խնդրիլ, который наряду со значениями «искать» и «просить», может значить также «домогаться» и «требовать»¹², т. е. несколько шире и жестче по содержанию, чем глагол ζητεῖν.

В § 127 упомянуты τοῦ κόσμου διδάσκαλοι в смысле «учителя нашей страны». В армянском языке слово աշխարհ — это «страна», «земля», что много уже по содержанию, чем «порядок, мир, мироздание, т. е. космос». Для грека ὁ κόσμος в этом контексте был бы гиперболой.

В § 47 употреблен глагол ἐνομοθέτησεν в смысле «[он] сочинял [речи]», где явно звучит νόμος (закон, правило), что невозможно для грека, но вполне уместно для армянина, так как армянское յորհիլիլ — «сочинять, писать» созвучно с օրհիլ (или օրհի — «закон, правило, устав, церковное предание, повеление, учреждение, регламент, постановление, основание, статут, право, обычай»)¹³.

В § 69 выражение ἐν ἀρχῇ τοῦ ἀριθμοῦ τῶν Ἀρμενίων означает «в начале армянской эры». Употребление слова ἀριθμός в таком контексте возможно только в том случае, если по-гречески пишет армянин, так как для него թիվ, которое собственно и есть «число, начисление, исчисление, количество», и թվալիլությունը, что может означать и «число» и «эпоха, эра, год», синонимичны.

Наконец, епископ Сюника Вртанес именуется в «Повествовании» «епископом столпа» — τὸν τοῦ στύλου ἐπίσκοπον (§ 86). Здесь употреблен не хороним

⁹ «Повествование». С. 133–134.

¹⁰ «Повествование». С. 20–21.

¹¹ Худобашев А. Армяно-русский словарь: В 2 т. М., 1838. Т. 1. С. 571; La Narratio de rebus Armeniae. P. 368. Ср.: Ibid. P. 362–363.

¹² Худобашев. Указ. соч. Т. 1. С. 508.

¹³ Худобашев. Указ. соч. Т. 2. С. 505.

«Сюник» — арм. *Սյունիք* (как в § 123, где епископ Сюника назван епископом ἄπὸ τοῦ Σύνῆς), а приведена греческая калька имени существительного *սիւն* — арм. «столп». По-гречески столп — ὁ στῦλος, и потому епископ Сюника именуется епископом τοῦ στύλου.

В этой игре слов заложен и более глубокий смысл: ὁ ἐπίσκοπος τοῦ στύλου — буквально означает «страж столпа», а столп (огненный и облачный) в библейской традиции знаменует чудесное присутствие Бога среди народа и Церкви. Епископ Сюника, таким образом, становится «стражем столпа [веры]», а затем и сам преобразуется в «столп» православной веры, так как автор упоминает его в контексте борьбы против монофиситов. Очевидно, игра слов анонима была понятна для его читателей, одинаково владеющих и греческим, и армянским языками. «Повествование» не является единственным памятником такого рода, что доказывает существование соответствующей аудитории. Известны две антимонафиситские инвективы на греческом языке, приписываемые католикусу Сааку¹⁴.

В разделе «Повествования», который посвящен деятельной антихалкидонитской пропаганде (пассаж уникальный, не имеющий прямых параллелей в других источниках), указано, что Церкви Сюника, Алуанка и Ивирии отвергли притязания монофиситов (§ 85–87). Ивиры, «резко возразив, не пожелали [ничего] слушать и с позором изгнали их как учеников еретиков, оживляющих заповеди иудеев (§ 88). И другие не подчинились их желанию, кроме тех, которые говорили только на армянском языке: Ташир, Дзорапор и Гардман — т. е. страны, которые находятся со стороны Арцаха (§ 89)».

Исследователи считают это место в «Повествовании» загадочным, поскольку маловероятно, что на армянском языке говорили в Ташире, Дзорапоре и Гардмане и не говорили в Сюнике. Разгадку, по-видимому, следует искать в общем контексте этого пассажа, ведь в предшествующих параграфах (§ 87–88) речь идет о церковной службе, в частности, о прибавлении «распятый за нас» к Трисвятому. Греки требовали от своих армянских единоверцев, чтобы они если и не все молитвы то, во всяком случае, некоторые читали на греческом языке, дабы избежать влияния монофиситов, и, в особенности, это относилось к Трисвятому¹⁵.

Употребление глагола *λέγειν* демонстрирует в этом контексте и некое культурное отстранение армян-халкидонитов от соплеменников. Округа Ташир, Дзорапор и Гардман находились на окраине армяно-византийской контактной зоны. Географическая и культурная удаленность от византийского мира обусловила конфессиональную и лингвистическую ситуацию региона, подчеркнутую автором «Повествования»: армяне-монофиситы этих областей владели только армянским языком.

Спонтанное или намеренное введение в ткань греческого языка фонем, лексем и грамматических форм армянского, возможно, знаменует начало возникновения некоего синтезного лингвистического феномена на территории

¹⁴ Cod. Paris. gr. 900; Vat. gr. 1101; Sin. gr. 1699; «Повествование». С. 22–23.

¹⁵ В свою очередь и монофиситы считали вопрос о прибавлении «распятый за нас» важнейшим пунктом в разногласиях с халкидонитами.

армяно-византийской контактной зоны. Этот процесс был прерван при крушении контактной зоны под ударами арабов, и феномен исчез из жизни широких слоев населения, но, возможно, сохранился в армяно-халкидонитской общине на территории Византийской империи¹⁶.

В 1083 г. в местечке Петрицос или Василикис (ныне с. Бачково) во Фракии византийский полководец и государственный деятель Григорий Пакуриан основал монастырь и написал для него устав, при этом в привычную форму монастырского устава заключено содержание, далеко раздвигающее его обычные рамки. Мы получаем подробные сведения о вотчине как светского, так и духовного феодала, материалы для выводов о развитии феодальных институтов, феодальной иерархии и частной власти. В уставе есть данные о политических событиях XI столетия, об идеологической борьбе между представителями разных вероисповедных направлений христианской церкви. Такое богатство содержания объясняется прежде всего тем, что Григорий Пакуриан не только не отвлекается от своей личности, подобно авторам других уставов, но постоянно перемежает изложение заповедей жизни в монастыре с воспоминаниями о своем жизненном пути: о своих заслугах, победах, взаимоотношениях с императорами, о родственниках и вассалах, владениях и богатствах и т.п. Сквозь призму личности и биографии Григория прослеживаются некоторые аспекты экономической, социальной, политической и идеологической жизни империи и сопредельных с нею стран (Армении, Болгарии) в XI в.¹⁷

Типик Пакуриана (согласно свидетельству греческой редакции) был написан на трех языках: греческом, армянском и грузинском¹⁸. До настоящего времени науке известны две редакции: греческая и грузинская. Греческий текст типика именуется «прототипом»¹⁹, призванным выступать как юридический документ во внутренних и внешних делах монастыря²⁰, и под страхом вечного проклятия в нем нельзя изменять ни слога²¹. Его юридическую силу подтверждают подписи ктитора и патриарха Евфимия, отсутствующие в других редакциях.

В уставе Петрицонского монастыря Григорий Пакуриан рассказывает, что происходит из блестящего рода «ивиров», отмечает, что монахи его монастыря «ивирь» и должны знать грузинский язык и письмо, что сам он удостоился истинной православной веры христиан «по учению рода сих ивиров». С другой стороны (согласно греческой редакции типика), Григорий подписывает свой

¹⁶ Арутюнова-Фиданян. Закавказское досье Константина Багрянородного. Информация и информаторы // Византийские очерки. СПб., 2006. С. 5–18.

¹⁷ Типик Григория Пакуриана / В. А. Арутюнова-Фиданян, введ., пер. и коммент. Ереван, 1978. С. 7 (далее: Типик); *Lemerle P.* Cinq études sur le XIe siècle byzantin. P., 1977. P. 116–191.

¹⁸ *Typicon Gregorii Pacuriani* / S. Kauchschischwili, ed. Thbilisi, 1963. P. 252. 22–23; 254. 4–5. (Georgica; 5) (далее: ТР); Шанидзе А. Г. Грузинский монастырь в Болгарии и его типик. Грузинская редакция типика. Тбилиси, 1971. С. 254 (далее: ГРТ); Арутюнова-Фиданян В. А. К вопросу о двух редакциях Типика Пакуриана // Кавказ и Византия. Ереван, 1986. Вып. 6. С. 90–101.

¹⁹ ТР. P. 256. 2–3.

²⁰ Ibid. P. 254. 27–256. 2.

²¹ Ibid. P. 238. 1–26 (целый раздел типика посвящен запрещению ктитора что-либо менять в его уставе); Типик. С. 115–116.

устав «собственной рукой армянскими буквами», и написан он, кроме греческого и грузинского, также и на армянском языке. В типике упоминается «келларит, который у ивиров именуется танутэром» (арм. *տնտնար* — глава дома). Родственники и люди Григория носят имена, бытующие в Армении, а в грузинском источнике «Истории царя царей Давида» Григорий Пакуриан назван «зораваром Востока» — армянским титулом полководца. Интересно, что в грузинской редакции типика Пакуриана встречается прилагательное «золавари» — производное от «зоравар». И, наконец, Анна Комнина считает Григория армянином, происходящим из знатного рода (γένους λαμπροῦ ἔξ Ἀρμενίων ὀριόμοστος)²².

Порядки монастыря в период, к которому относится грузинский вариант типика, были гораздо менее демократичны, нежели при Григории, когда братию, в основном, составляли родственники и «люди» ктитора, приблизительно равные по положению. В период времени, который отражает грузинский вариант, родственники и «люди» Григория были редки, из них в основном избирались настоятели. В монастырь приходилось принимать и других «ивиров», и прерогативы власти уже не распространялись на всю братию, а принадлежали игумену и «избранным» братьям²³. Значительное количество изменений в тексте ГРТ позволяет утверждать, что грузинскую редакцию типика отделяют от ее греческого первоисточника многие десятилетия²⁴.

Но как же быть с указанием ктитора, что греческий, грузинский и армянский тексты идентичны? Мне представляется возможным следующее объяснение.

Армянский и грузинский варианты типика, составленные при Григории, были точной копией греческого оригинала (гл. XXXVI, § 1). Однако юридическую силу имел только греческий текст устава, заверенный личной подписью Григория и иерусалимского патриарха Евфимия. Этот текст был документом, и в нем строго воспрещалось менять даже слог (гл. XXXIII). Грузинский же и армянский варианты были составлены только для удобства тех членов монастырской братии, которые не читали по-гречески. «Но мы указываем, — пишет ктитор, — что силу имеет только греческий текст книги и поэтому в конце этого сочинения была поставлена подпись»²⁵. И это утверждение совпадает с грузинским текстом, где слова: «Мы повелеваем считать имеющим [юридическую] силу греческий

²² Типик. С. 65–66, 139.

²³ Гл. XVIII. § 2, где указано, что игумен и братья имеют одинаковую власть в монастыре и что монастырь может потерпеть ущерб и от решения игумена, и из-за коварства монахов. Диакониты составляли, как известно, половину братии Петрициона, а различия между ними и остальными монахами (как и различия в среде самих диаконитов) носили временный характер. Об устойчивых же градациях среди монахов, идущих от «мира», в Петриционном уставе почти не упоминается, может быть потому, что социальный состав братии Петрициона был, в основном, однороден: родственники и «люди» Григория. Для Григория монахи Петрициона равны не только как члены киновии, но и как люди, могущие принести одинаковую пользу (как, впрочем, и одинаковый вред) основанной им обители. Иными словами, их равенство — это не только равенство «ангельского сообщества», но и равенство перед лицом ответственных решений, определяющих судьбы монастыря (Типик. С. 20–21).

²⁴ Типик. С. 203–204, 205–206, 230–234.

²⁵ ТР. Р. 254. 8–10.

список, ибо он имеет подпись в конце» — написаны киноварью²⁶. В грузинской версии, вместо подписей основателя монастыря и патриарха Евфимия типик завершает инструкция «О том, как праздновать двенадцать Господних и три других праздника»²⁷. Грузинская и армянская копии типика были своего рода рабочими экземплярами, и все изменения, которые вносило время, проникали не в греческий текст устава, «запертый» подписями Григория и Евфимия, а в грузинский и армянский варианты. Армянский вариант, как было отмечено, до нас не дошел, и мы можем судить только по грузинской редакции.

Переписчикам этой редакции уже не были понятны термины социально-экономической и политической жизни Византии, и из грузинского текста исчезают наименования категорий византийского зависимого крестьянства, названия повинностей, принятых в Византии. В этой редакции земли монастыря могут быть даны не в «харистикий», а в «сакаргав»²⁸. Переписчики грузинской версии уже не знали о существовании византийского округа Ивирия, об обозначении Византии термином «Романия» и т. п.²⁹. Меняется не только социально-политическая терминология типика. Ощутимо меняется монастырь как социальный организм, утрачивая приданную ему ктиторм относительную демократичность. Меняется, хотя и в самой малой мере, даже композиция устава (порядок перечисления хрисовулов, конечные главы устава и т. п.).

Языковая унификация, основанная на языке богослужения и укрепившаяся за долгие годы, прошедшие со времени основания монастыря, исключила из активного употребления и греческий и армянский списки. Греческий остался памятником, закрепившим волю основателя, не доступным каким-либо изменениям, за исключением тех, которые следует отнести на счет небрежности писцов (отсюда и одинаковое содержание разновременных греческих списков). Грузинская редакция типика, написанная на принятом в обители языке богослужения³⁰, осталась в постоянном и активном употреблении, сохраняя прикладной характер, приданный ей еще основателем монастыря, и в этом разгадка разницы между двумя редакциями.

Насколько мне известно, исследователи не задавались до сих пор вопросом о переводчике грузинской редакции, что неудивительно, учитывая отсутствие данных о нем. В ткани повествования, однако, есть ряд свидетельств, позволяющих сделать некоторые предположения о его этнической принадлежности. Известно, что в монастыре был писец из ромеев, но круг его обязанностей ограничивался внешними сношениями Петрицонской обители (гл. XXIV).

²⁶ ГРТ. С. 327. § 6.

²⁷ ГРТ. С. 328–329.

²⁸ ГРТ. С. 320. Гл. 32.

²⁹ Подробности различий греческой и грузинской версии типика см. в комментарии: Типик. С. 168, коммент. 10; с. 171, коммент. 1; с. 176, коммент. 16; с. 177, коммент. 3; с. 187 и т. д.

³⁰ Греческий текст устава позволяет полагать, что при основании монастыря не исключалась возможность еще какого-то богослужебного языка. П. М. Мурадян считает таковым армянский — язык армян-халкидонитов (см.: *Мурадян П. М.* К вопросу о первичности греческой и грузинской редакций Типика Григора Пакуриана // Историко-филологический журнал АН Армянской ССР. Ереван, 1968. № 1. С. 111–120 (на арм. яз.).

Византийские термины, сохранившиеся в грузинской редакции устава, кажутся просто перенесенными в него (что еще раз свидетельствует о первичности греческой версии)³¹. Весьма примечателен пассаж из 25 главы. В обоих списках указано, что не следует зачислять в монастырь тех родственников Григория, которые не имеют склонности к скромности «πρός τὴν τῆς κοσμιότητος ἐπιτηδειότητα» (§ 2). В грузинской же редакции написано: «если они не годны для светского правления»³². Переводчик перепутал слова κόσμιος (скромный, умеренный) и κόσμος (мир)³³.

Григорий Пакуриан в главе XX отметил, что все написанное в уставе «должно стать неизменным указанием и яснейшим напоминанием живущим в согласии братьям для их совершенствования» (τῆς ἑαυτῶν τελειώσεως)³⁴. В грузинской же редакции написано: «Чтобы вам было ясно и весьма твердо (знали) о дне памяти живущих вместе монахов во время их смерти»³⁵. А. Г. Шанидзе добавляет в примечании «т. е. о дне памяти монахов, совпадающем со днем их смерти (?)» Вопросительный знак показывает, что фраза ему неясна. Греческое τελείωσις имеет смысл не только «законченности, завершения, окончания», т.е. «смерти», но прежде всего «завершения» в смысле «совершенствования»³⁶. Из контекста видно, что речь идет о совершенствовании братии, и таким образом, завершающая фраза XX главы (в греческом варианте) звучит вполне понятно и логично. Переводчик грузинской редакции употребил здесь слово მცკალები, которое далеко не обладает таким богатством оттенков, как τελείωσις, и значит только «преставление», «смерть»³⁷, в результате смысл фразы оказался искаженным.

Не говорят ли вышеприведенные факты о том, что монахи Петрицонского монастыря были «ивирами» по конфессиональной, а не этнической принадлежности. Они знали грузинский богослужебный и, может быть, разговорный язык, но не были сведущи в тонкостях литературного грузинского, а, может быть, и греческого языка. Иными словами, через несколько (или более) лет в халкидонитском монастыре в Петрицоне служил переписчик, который знал греческий и грузинский языки, но для которого они не были родными, т. е. армянин-халкидонит.

Там, где речь идет об исповедании веры, о богослужебных книгах на грузинском языке и умении ими пользоваться, о приеме в монастырь новых братьев, Григорий неукоснительно напоминает, что и сам он, и монахи его монастыря — «ивирь». Там же, где говорится о вполне мирских вещах: о передаче по наследству владений или даже об умении лучше читать и писать на родном языке, выявляются черты армянского происхождения Григория и его сподвижников и земляков³⁸.

³¹ Мурадян. Указ. соч. С. 117.

³² ГРТ. С. 314. Гл. 25, 2.

³³ ГРТ. С. 109. § 2.

³⁴ ТР. 206. 23–25; Типик. С. 105.

³⁵ ГРТ. С. 311. § 2.

³⁶ Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1972. P. 1383.

³⁷ Указано С. Т. Еремянном и П. М. Мурадяном, которым я выражаю свою искреннюю признательность.

³⁸ Типик. С. 129–139.

Халкидонитство грузинской ориентации, всегда влиятельное и даже преобладающее в Северной Армении, усилилось в XII–XIII вв., когда существовали вассальные отношения между грузинским двором и армянскими князьями. В списке XIII в. среди епископов, находившихся в иерархической зависимости от грузинского католикоса, названы епископы Ани, Карса и Валаршакерта³⁹, чьи епархии были в центре Армении и где, следовательно, не могло быть скольконибудь значительного грузинского населения. По-видимому, население этих областей включало в свой состав армян-халкидонитов.

В это же время на Соборах армянской национальной Церкви были преданы проклятию все халкидониты. Столь энергичные меры были оправданы, поскольку представители армянской знати, принимая халкидонитское вероисповедание, не только переставали покровительствовать монофиситской церкви, но нередко отнимали у нее храмы и монастыри, обращая их в халкидонитские.

В начале XIII в. в армяно-халкидонитском монастыре Плиндзаханк (ныне Ахтала) в Северной Армении монах Симеон Плиндзаханеци переводил с грузинского на армянский язык философско-теологические и агиографические сочинения, отмечая в памятных записях, что основной его целью была цель прозелитская. В колофоне на сборнике трудов Григория Нисского указано, что перевод сделан в «лето 6735 г. (1227 г.)» в «княжение атабега Иванэ» Захариды, передавшего монастырь халкидонитам, «в стране нашей Армянской», в монастыре «Сплэндзахсенк»⁴⁰, а в колофоне на книге Прокла Диодоха Симеон пишет, что книга переведена «в стране нашей Армянской, в монастыре грузинском, который называется Плиндзаханк», «чтобы наш народ не испытывал недостатка» в этом труде (который Симеон считает важнейшим для изучения богословия⁴¹).

Для армянина-халкидонита Симеона Плиндзаханеци, исповедовавшего «грузинскую веру», «наш народ» — армяне, а «наша страна» — Армения. Симеон Плиндзаханеци вносит ряд добавлений в текст Прокла, ориентируясь на армянского читателя⁴². В числе переводов Симеона сочинения Иоанна Дамаскина и Иоанна Лествичника, а также октоих православной церкви; последние произведения он переводил с помощью иеромонаха Минаса, армянина-халкидонита из Трапезунда. Н. Акинян считает, что в переводе октоиха принимал участие и Карапет, армянин-халкидонит из Константинополя⁴³. Монастырь Плиндзаханк, таким образом, был частью широкого армяно-халкидонитского мира, чьи культурные связи со странами византийского культурного круга были органичны и разнообразны.

³⁹ Бакрадзе А. Археологическое путешествие по Грузии и Адчаре. СПб., 1878. С. 81.

⁴⁰ Грузинский вариант названия монастыря (см.: Мурадян П. М. Грузинская эпиграфика Армении. Ереван, 1977. С. 202 (на арм. яз.).

⁴¹ Памятные записи армянских рукописей XIII в. / А. С. Матевосян, сост. Ереван, 1984. С. 154. О переводах, сделанных в монастыре Плиндзаханк, см.: Акинян Н. Симеон Плиндзаханеци и его переводы с грузинского. Вена, 1951. С. 233–262 (на арм. яз.).

⁴² Марр Н. Я. Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI–XII века // Марр Н. Я. Кавказский культурный мир и Армения. Ереван, 1995. С. 332.

⁴³ Акинян. Указ. соч. С. 189–193.

П. М. Мурадян объясняет особую роль армян-халкидонитов в скрещении разных мотивов на местной армянской почве, «слабой их приверженностью к национальным культурным традициям» и «склонностью к восприятию новых веяний в культуре единоверцев»⁴⁴. Мне представляется, что восприимчивость армян-халкидонитов к различным культурным влияниям и их «индукторная» роль на Кавказе связаны с более широким, нежели у их соотечественников-монофиситов, кругозором, обусловленным, разумеется, их выходом на конфессионально близкие им греческие и грузинские круги, знанием языков соседних народов. Свобода в восприятии культур затем становится самостоятельным фактором развития и влияния этой группы в Армении и сопредельных с нею регионах.

Греческий и грузинский языки входили в армянский мир как средство политического, дипломатического, государственно-административного, культурного и конфессионального общения. Православные армяне, составлявшие значительную часть армянского этноса, являлись феноменом не этнических, а культурных трансформаций. Однако у этих трансформаций были определенные языковые границы. Греческий и грузинский языки, входя в культуру армян-халкидонитов через богослужебные книги, светскую литературу и даже язык общения, не вытесняли армянский⁴⁵ и это кардинально отличало армян с их ранней христианизацией (нач. IV в.) и изобретением алфавита (нач. V в.) от тех народов, которые получили христианскую религию и одновременно письменность от византийских миссионеров⁴⁶.

Краткое резюме источниковедческого анализа двух армяно-халкидонитских источников, написанных на греческом языке, показывает, что армянский лингвистический субстрат проявляется и в произведении Анонима, жившего в VII в. в Армении, и в Типике Григория Пакуриана для его монастыря на Балканах, построенного в XI в. Эти наблюдения могут заметно поколебать априорно принятое утверждение о денационализации представителей армяно-халкидонитской общины, в особенности на территории Византийской империи за пределами Армении.

Ключевые слова: Христианский Восток, армяно-халкидонитская община, этно-конфессиональное самосознание, взаимодействие языков культуры и конфессии, источниковедческий анализ, «Повествование о делах армянских» (VII), «Типик Григория Пакуриана» (XI).

⁴⁴ Мурадян. Новое в «Кавказском культурном мире» в XI–XIII вв. // Кавказ и Византия. Ереван, 1984. Вып. 4. С. 152; Он же. Грузинская эпиграфика. С. 199–222.

⁴⁵ Арутюнова-Фиданян. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980. С. 47, примеч. 2–5; С. 75–88.

⁴⁶ Ж. Дагрон приводит сводку основных источников о христианизации болгар и славян, свидетельствующих об их «романизации», «эллинизации» (язык) и даже об утрате некоторыми из них национальной идентичности (Дагрон Ж. Формы и функции языкового плюрализма в Византии (IX–XII вв.) // Чужое: опыты преодоления / Р. М. Шукуров, ред. М., 1999. С. 173–174).

THE *NARRATIO DE REBUS ARMENIAE* (7TH cent.)
AND THE *TYPICON* BY GREGORY PAKURIAN (11TH cent.):
THE GREEK LANGUAGE
OF THE ARMENO-CHALCEDONIAN LITERARY WORKS

V. A. ARUTYUNOVA-FIDANYAN

The Armeno-Chalcedonian community could not emerge prior to the Council of Chalcedon (451). If we take into account the almost century-long lacuna between this Council and the perception of its decisions in Armenian Church and society, then we have to assign its emergence to an even later date. It was only at the turn of the 7th century that the non-Chalcedonian Armenian Church worked out its distinctive doctrine. The unity of the ethnic conscience of the Armenians was secured by their common origins, the common territory, historical memories, everyday life, culture and beliefs shared by them, but first and foremost — by their common language. Armenia was not characterized by the linguistic pluralism of the great empires; however, its contacts with the neighboring states introduced into communication their respective languages, among which the most significant were Greek and Georgian. They were penetrating into the Armenian world as means of political, diplomatic, administrative, cultural and confessional communication. From the end of the 10th century onwards the Armeno-Chalcedonians referred to themselves as not only Armenians ethnically, but also as *Romaioi* or *Iberoi* — denominationally. Orthodox Armenians which formed a significant part of the Armenian ethnos emerged as a result not of ethnic, but of cultural transformations. These transformations, however, had their own linguistic boundaries. The Greek and Georgian languages, entering Armeno-Chalcedonian culture through liturgical books, secular literature and even through everyday communication, did not push Armenian to the periphery. An analysis of two Armeno-Chalcedonian sources demonstrates that the Armenian linguistic substratum showed itself both in the anonymous work of an author who lived in Armenia in the 7th century and in the *Typicon* by Gregory Pakurian, written for his monastery in the Balkans which was built in the 11th century. These observations could noticeably undermine the a priori assumption that the members of the Armeno-Chalcedonian community were Hellenized, especially outside the boundaries of Armenia proper, on the territory of Byzantine Empire.

Keywords: Christian Orient, Armeno-Chalcedonian community, ethnic and denominational conscience, interaction among languages of culture and religious denominations, source study analysis, *Narratio de rebus Armeniae* (7th cent.), *Typicon* by Gregory Pakurian (11th cent.).

Список литературы

1. Акинян Н. Симеон Плиндзаханеци и его переводы с грузинского. Вена, 1951 (на арм. яз.).
2. Аревшатян С. С. Формирование философской науки в древней Армении (V–VI вв.). Ереван, 1973.

3. Арутюнова-Фиданян В. А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980.
4. Арутюнова-Фиданян В. А. Закавказское досье Константина Багрянородного. Информативность и информаторы // Византийские очерки. СПб., 2006. С. 5–18.
5. Арутюнова-Фиданян В. А. К вопросу о двух редакциях Типика Пакуриана // Кавказ и Византия. Ереван, 1986. Вып. 6. С. 90–101.
6. Арутюнова-Фиданян В. А. К вопросу о существовании халкидонитской Церкви в Армении // Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология. М., 2010. Вып. 4 (22). С. 7–22.
7. Арутюнова-Фиданян В. А. «Повествование о делах армянских» (VII в.): Источник и время. М., 2004.
8. Бакрадзе А. Археологическое путешествие по Грузии и Адчаре. СПб., 1878.
9. Дагрон Ж. Формы и функции языкового плюрализма в Византии (IX–XII вв.) // Чужое: опыты преодоления / Р. М. Шукуров, ред. М., 1999. С. 160–193.
10. Марр Н. Я. Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI–XII века // Марр Н. Я. Кавказский культурный мир и Армения. Ереван, 1995. С. 324–384.
11. Мирумян К. Культурная самобытность в контексте национального бытия. Ереван, 1994.
12. Мурадян П. М. Грузинская эпиграфика Армении. Ереван, 1977 (на арм. яз.).
13. Мурадян П. М. К вопросу о первичности греческой и грузинской редакций Типика Григора Пакуриана // Историко-филологический журнал АН Армянской ССР. Ереван, 1968. № 1. С. 111–120 (на арм. яз.).
14. Мурадян П. М. К предыстории литературного полиглоттизма в средневековой Армении // Кавказский культурный мир и Армения. Ереван, 2012. Вып. 2. С. 237–250.
15. Мурадян П. М. Новое в «Кавказском культурном мире» в XI–XIII вв. // Кавказ и Византия. Ереван, 1984. Вып. 4. С. 142–158.
16. Памятные записи армянских рукописей XIII в. / А. С. Матевосян, сост. Ереван, 1984.
17. Тер-Саркисянц А. Е. История и культура армянского народа. М., 2008.
18. Худобашев А. Армяно-русский словарь: В 2 т. М., 1838.
19. Типик Григория Пакуриана / В. А. Арутюнова-Фиданян, введ., пер. и коммент. Ереван, 1978.
20. Шанидзе А. Г. Грузинский монастырь в Болгарии и его типик. Грузинская редакция типика. Тбилиси, 1971.
21. Finck F. N. Geschichte der armenischen Literatur // Geschichte der christlichen Literaturen des Orients. Leipzig, 1907. S. 75–130.
22. La Narratio de rebus Armeniae / G. Garitte, éd., comment. Louvain, 1952.
23. Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1972.
24. Lemerle P. Cinq études sur le XIe siècle byzantin. P., 1977.
25. Patrum bibliothecae novum Auctarium. P., 1648. Vol. 2.
26. Terian A. The Hellenizing School: Its Time, Place and Scope of Activities Reconsidered // East of Byzantium: Syria and Armenia in the formative Period. DO Symposium / N. G. Garsoïan, Th. F. Mathews, R. W. Thomson, eds. Washington, 1982. P. 175–186.
27. Thomson R. W. The Formation of the Armenian Literary Tradition // Ibid. P. 136–150.
28. Typicon Gregorii Pacuriani / S. Kauchtschischwili, ed. Thbilisiis, 1963. (Georgica; 5).